

ВООБРАЖЕНИЕ О ПРОШЛОМ

О РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Евгений Водолазкин написал роман о памяти. О памяти как мощнейшем инструменте — и величайшем проклятии. В романе «Чагин», названном по имени главного героя, четыре части. И четыре рассказчика, каждый со своим взглядом на образ центрального персонажа. Попробуем разобратся в том, как устроен этот текст.

Название — фамилия героя — вписывает книгу в классическую романную традицию русской классики XIX века: «Обломов», «Рудин». Любопытны два совпадения: незадолго до «Чагина» вышел роман Лены Элтанг «Радин», а первая часть романа Эдуарда Вернина «Снарк Снарк» и вовсе называется «Чагинск». Вот уж воистину коллективное бессознательное. Вспоминается, конечно, и реальная историческая фигура — издатель и друг Есенина Петр Чагин, который возглавлял в разные годы Гослитиздат и «Советский писатель». Впрочем, и это, по утверждению Евгения Водолазкина, просто однофамилец его героя (с которым у него, помимо фамилии, совпадают — правда, перекрестно, — инициалы: Петр Иванович и Исидор Пантелеевич).

Рассказчик в первой части — Павел Мещерский, который работает с Дневником мнемониста (причем мы с самого начала знаем, что Дневник уже утрачен и Павел — последний, кто его читал) в бывшей квартире Чагина. Когда Мещерский впервые ночует в квартире Исидора, по крыше кто-то ходит. В полусонном сознании героя мелькают разные образы, в том числе сам Чагин — подобно тени отца Гамлета, он становится воплощением сознания Мещерского, его доппельгангером. Мещерский, выступающий нарратором в первой части, отождествляет себя с Чагиным. Когда незнакомка принимает его за Исидора, он отвечает: «Я, видите ли, умер». Да и в биографиях двух этих персонажей немало пересечений. Жизнь Исидора влияет на жизнь Павла, и наоборот, это подчеркивает структура первой части романа — чередование эпизодов жизни Павла и чтения

им дневника Чагина. Это взаимное влияние всего и вся еще не однажды возникнет в тексте, автор как никто умеет отрабатывать заявленные в книге приемы по полной, но об этом чуть позже.

Система двойников центрального героя в романе весьма разветвленная — еще один прием (на этот раз в системе образов), доведенный Водолазкинским до предела. Помимо Павла Мещерского, это:

1. Генрих Шлиман. Вместе с легендой для внедрения в шлимановский кружок Чагину вручают биографию археолога. И сам Исидор усматривает параллели в их судьбах: трудное детство, первая любовь, выдающаяся память. Сам Чагин воспринимает себя как реинкарнацию Шлимана, как его двойника. Интересно, что Шлиман, тоже обладавший феноменальной памятью, при этом был максимально ненадежным свидетелем и рассказчиком, поскольку был патологически лжив. В своих дневниках он не фиксировал события, но творил миф о себе. «Память лишь воспроизводит события, а Дневник их осмысливает». Николай Иванович говорит: «Я, замечу, не фаталист каной и не верю в окончательную предопределенность жизни, но дерзновенно полагаю, что усилием воли человек эту самую жизнь способен изменить — хотя бы в небольшой степени. Начало же изменению — идея. Проще говоря, представление об ином экзистенсе — пусть даже в форме придуманной биографии, чем нам, собственно, и дорог Шлиман».

2. Руководитель шлимановского кружка Вельский. Работая копировальщиком в библиотеке, он, как и Исидор, не продуцирует знание, а создает с него копии. Такой копией была и курсовая Чагина.

3. Даниэль Дефо. Обсуждаемый на заседании кружка доносчик и интриган. «Любое творчество — своего рода оправдание». «Робинзон Крузо» оправдал интриги Дефо. Дневник Исидора должен оправдать его доносительство, «мутную, заворачивающую поэзию измены».

4. Николай Петрович, один из сотрудников «городской библиотеки». В свободное время он вырезает из дерева маски. А на работе изготавливает другие — придумывает легенды и прикрития. Символический жест: человек, придумавший Чагину легенду, дарит ему одну из масок.

5. Близкий друг Исидора актер Григоренно (Григ). Антеры тоже учат чужой текст и вживаются в «легенду» — в роль. Н тому же на определенном жизненном этапе они встречаются с идентичными близнецами Тиной и Диной.

6. Альберт. Оба они с Исидором доносчики, только один сомневающийся, а другой — в крайней степени упивающийся и антерствующий.

Исидор Чагин — человек без свойств, он принимает свойства обстановки или окружающих его людей: «Снимок с военных сборов. Исидор, оказывается, был лейтенантом запаса. На фотографии — настоящий военный. Взгляд решительный, четко очерченный подбородок... Исидор с Верой — герой-любовник: вряд ли она могла бы полюбить Чагина времен Архива. А вот он с Вериными племянниками (запись на обороте) — воплощенная любовь к детям. На овощебазе. Что-то в лице Исидора здесь неуловимо овощное, даже стручнообразное».

Чагин, обладая суперспособностью, исследует феномен памяти. Первая его курсовая называется «Марксистско-ленинское понимание памяти», и именно так впервые обозначается его интерес к теме, он впервые задумывается о том, всегда ли он мог запоминать большие объемы информации. Вторая курсовая — «Разоблачение буржуазных

философских представлений о памяти» — сыграла с ним злую шутку. Чагин *забыл*, что запомнил наизусть и воспроизвел в работе книгу университетского профессора Спицына. Но при разбирательстве идеологическая взвешенность текста одержала верх над плагиатом.

Что же эти буржуазные теоретики категории памяти, о которых могла бы идти речь в работе Чагина? Прежде всего, конечно, Эмиль Дюркгейм, Морис Хальбвакс и Ян Ассман. Ассман называет живую, личную память коммуникативной памятью, это память, основанная на устных воспоминаниях и бытующая обычно в трех поколениях: деды — отцы — дети. Это продолжение и развитие теории Хальбвакса об индивидуальной и коллективной памяти, который, в свою очередь, опирался на идеи Эмиля Дюркгейма.

Воспоминание не сводится к мнемонической практике (как у Чагина), оно сродни воображению, только это воображение о прошлом. Уволенный из университета Спицын работает над книгой «Мнемонист» — о том, как усложнялись задания и велось исследование способностей Исидора. Следуя опытам Лурии и Выготского, он делает вывод, что воспоминания располагаются не в вакууме, а в определенной пространственной последовательности с привязкой к фону. То есть запоминаемые символы (любые, как показывает опыт Чагина) находятся в лишенной смысла связи с объектами в пространстве. Запоминание и воспроизведение никак не связаны с осмыслением — наоборот, как только включается хоть минимальное осмысление (случайное совпадение набора символов с другим набором), система дает сбой. Восприятие Чагина синестетично: цвет связан для него со звуками и запахами.

Каждый символ — цифра, буква, слово или их комбинация — перенодуруется мнемонистом заново, присваивается, становится не вещью в себе, но личным делом Чагина. Это то, о чем пишет Алексей Лосев:

«Когда я понял, что сумма углов треугольника равняется двум прямым углам, я почувствовал в этом нечто свое личное, бесконечно родное, чего никто у меня не отнимет» («Из бесед и воспоминаний»).

Но эта же синестезия влечет за собой очевидные побочные явления: поэзия и абстрактные высказывания не могут быть восприняты Чагиным в отрыве от образа.

Евгений Водолазкин в своем романе дает героям цветовые характеристики. Исидор по поздним воспоминаниям о нем носит только серую одежду и говорит «бесцветным» голосом, работает архивистом — то есть максимально незаметным, непубличным человеком. Однако впоследствии мы узнаем, что и образ его жизни, и внешний облик существенно менялись в течение жизни. Его суперспособность — феноменальная память — максимально оттеняет эту «серость». Николай Иванович и Николай Петрович, сотрудники «городской библиотеки» — «коричневые»: «...одного от другого отличали отчество и цвет волос (Николай Петрович был чуть светлее), в то время как объединял их цвет глаз — по определению Чагина, грязно-коричневый. Если верить Дневнику, такими же были их плащи и папки». Коричневый цвет несет в себе множественные коннотации, помимо чисто физиологических, следует вспомнить, что и фашизм называли «коричневой чумой».

Уволенный профессор университета Спицын, к которому Чагин заходит в гости, маркирован красным (что интересно с точки зрения советской парадигмы): у него темно-красный фартук, шторы, скатерть.

Вторая часть — наиболее, пожалуй, странная, с сюжетным вывихом в конце, написана от лица сотрудника «городской библиотеки» Николая Ивановича, который после травмы обнаруживает страсть к изящной словесности. Николай Иванович рассказчик весьма ненадежный, он сам признается, что может что-то и позабыть, и перепутать. К тому же склонен к художественному вымыслу, к «нас возвышающему обману». В этом смысле он когнитивный антипод Исидора. Но именно в этой линии, помимо героев-двойников, возникают города-двойники. Чагин в рассказе Николая Ивановича ищет общее между Лондоном, Ленинградом и Иркутском. Исследование это в целом бесполезное, но на деле именно в нем, Чагине, это общее: родной Ленинград, псевдородной (по легенде) Иркутск, Лондон, где он находится с заданием. Солипсизм в действии: общее у городов оказывается внутри смотрящего: «И в Лондоне, и в Ленинграде голова следящего за водоворотами начинает кружиться. Руки его цепляются за перила моста, и на глазах прохожих наблюдатель не торопясь съезжает на асфальт. Прохожие (и там, и тут они в мокрых дождевиках) хватают потерпевшего под руки и сводят с моста на набережную... Однако же самые сильные водовороты встречаются на Ангаре — рене полноводной и быстротечной».

Человек оказывается способным не только запоминать и воспроизводить события реальности, но и влиять на них. Повторение слов может вызвать повторение событий, потому что в начале было Слово.

По словам Николая Ивановича, в одном из донесений Чагин признается ему, что уже и сам не может отличить того, что на самом деле было с ним, от вымышленного. Так звучит тема поиска собственного «я», ставшая основной и в недавно вышедшем романе Александра Иличевского «Исландия». Герой «Исландии» сдал в аренду Всемирной организации вычислительных мощностей часть своего мозга. Через кремниевую капсулу теперь его сознание напрямую подключено к Всемирной сети,

и он не может отделить собственные воспоминания от скачиваемой из Сети информации. Примерно то же самое происходит и с Чагиным, только он закачивает чуждую информацию иным способом.

Любопытно, что, варясь в своем безумии, Николай Иванович тем не менее доходит до важных философских открытий. И эти открытия имеют особую ценность, потому что они личные, собственные, не присвоенные: «Если отвлечься от мимотенущего времени и сосредоточиться на вечности, то события — *всегда*. Они существуют вне времени. Лежат, словно на складе, серые или, скорее, лишенные цвета, в ожидании своего часа. Когда же приходит некий человек и делает свой выбор, они наливаются жизнью и цветом. Только так и можно примирить свободу человеческого выбора и всеведение Господа». Бог, таким образом, создает события *вообще*, то есть имманентно. Создает общую матрицу. Божественное проявляется в материальном мире. Человек же, делая выбор, присваивает (снова Лосев!) себе то или иное событие, переживает и познает его как личный опыт. Из множества таких личных опытов строится целостное сознание — процесс, который Иммануил Кант назвал трансцендентальной апперцепцией.

Третья часть, нарратор в которой друг Исидора актер Эдвард Григ, повествует о событиях после Дневника. Григ упоминает, что Чагин — чеховский герой. Основной его конфликт и главная трагедия — не в каких бы то ни было событиях. Это конфликт между тем, как сложилась жизнь и как мечталось. Но в этом смысле такие же чеховские персонажи и Николай Иванович, и Вера, и сам Григоренко. Роман Водолазкина наполнен чеховскими героями.

Именно в этой части тема двойничества деконструируется Евгением Водолазкиным, но прежде возводится в абсолют. Цирковые артистки близнецы Тина и Дина абсолютно идентичны. Но по условиям контракта им запрещено где бы то ни было появляться вместе и выглядеть одинаково. Воля человека вторгается в природу вещей и меняет ее.

Иллюзия и обман в романе играют важную роль. Помимо Шлимана и легенды Чагина, это и его сфера работы до архива — эстрада. Это место, где царят иллюзии. Он работает среди специалистов по ловному обману: «Фонус, взятый в его нецирковом измерении, стал протестом бытия против двойничества. Сам того не ведая, Нукушнин возвращал миру божьему естественный порядок вещей. Этот порядок предусматривал единственность всего сущего на свете».

Еще одна вариация двойничества и параллелей — жизненные рифмы. Когда Исидор устраивается в архив, ему поручают заниматься письмами Генриха Шлимана к Генриху фон Краузе. Эта переписка даст Чагину ключ к забыванию как высшему благу.

Одним из ключей к смысловому полю романа служит «Легенда о Шлимане» поэта, прозаика и переводчика Виктора Шнейдера, в которой есть такие строки: «Как говорят, фальсификатор Шлиман, так до скончания дней и не узнавший, что все его поддельные находки, им выданные за останки Трои, и в самом деле были таковыми...»

Вымысел моделирует реальность, даже если создатель вымысла об этом не догадывается.

В четвертой части роман (обойдемся без спойлеров, если к понятию большой литературы такой термин и вовсе применим) окончательно слетает с петель. Все происходит вроде бы одновременно, но на деле логично раскладывается по собственным временным отрезкам. Однако

событие рассказывания моделирует реальность и возвращает события прошлого в настоящее. Потому что память — создательница прошлого.

«Чагин» Евгения Водолазкина — совершенно отдельный и самостоятельный роман, который, однако, крепко держится смыслово и тематически за другие его книги. Время, память, забвение — категории, которые продолжают интересовать опытного исследователя человеческих душ и сюжетных построений. Нан получается, что темы, «разъятые, нан труп», в каждой новой книге звучат по-новому, наверное, можно разобраться. Но не хочется: пусть в этом остается загадка и волшебство большой литературы, в которой можно сколь угодно долго обсуждать отдельные элементы, но в целом все равно получается Чудо.

